

18+

Очень страшная история

Кирилл Шатилов

английского языка



Кирилл Шатилов

Очень странная история

английского языка

<https://litres.ru/74269879>

ISBN 9785007066136

Аннотация

«Очень странная история английского языка» — увлекательное путешествие по судьбе самого нелогичного мирового языка. Как викинги подарили англичанам слово *they*, почему французские завоеватели превратили английский в речь простолюдинов, кто устроил катастрофу английскому правописанию и как язык таверн стал языком планеты? Живо, с юмором и неожиданными историческими парадоксами.

Содержание

Язык, который никто не планировал	5
Предисловие к истории английского языка	5
Когда Британия ещё не говорила по-английски	15
Кельты, римляне и остров, который пока не знает, что станет языковой империей	15
Когда Англия ещё не была Англией	24
Англы, саксы и языковая драка за Британию	24
Английский, который англичанин не поймёт	39
Староанглийский, Beowulf и язык, похожий на германское колдовство	39
Викинги приплыли за золотом — и случайно переписали английский	55
Как скандинавы с топорами подарили Британии they, sky и ugly	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Очень странная история английского языка

Кирилл Шатилов

Дизайнер обложки Fooocus

© Кирилл Шатилов, 2026

© Fooocus, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6613-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Язык, который никто не планировал

Предисловие к истории английского языка

Есть языки, производящие впечатление тщательно спроектированных зданий. Смотришь на них — и кажется, будто некие серьёзные люди столетиями сидели за массивными столами, бережно шлифуя правила, выравнивая конструкции и следя, чтобы всё было логично, гармонично и прилично.

А потом смотришь на английский.

И возникает ощущение, что его собирали:

- пьяные викинги,
- французские чиновники,
- деревенские торговцы,
- лондонские актёры,
- колониальные авантюристы,
- американские рекламщики

— и, в финале, люди из Twitter¹, которым лень дописывать слова до конца.

Причём собирали без инструкции.

Английский — удивительно нелогичный язык для того статуса, который он сегодня имеет. Человечество почему-то решило сделать международным именно тот язык, который:

— пишет through, though, thought и tough почти одинаково, но произносит их как будто назло,
— хранит буквы, давно умершие фонетической смертью,
— ворует слова у всех соседей подряд,
— ненавидит собственные правила,
— а половину грамматики растерял где-то между викинг-гами и Шейкспиром.

Если смотреть на английский глазами рационального человека, он вообще не должен был победить.

Но языки редко побеждают благодаря логике.

Они побеждают благодаря:

— деньгам,
— пушкам,
— торговле,
— кораблям,

¹ сайта, запрещённого на территории РФ

- кино,
- поп-культуре,
- интернету,
- и способности бесконечно пожирать чужое, оставаясь при этом собой.

История английского — это не история «чистого» языка. Чистых языков вообще не существует. Это одна из любимых человеческих иллюзий: будто где-то есть стерильная, благородная версия речи, не испорченная улицей, иностранцами, торговлей и живыми людьми. На практике любой большой язык напоминает старый портовый город. В нём всегда шумно, грязновато, многолюдно и полно чужих слов, пришедших неизвестно откуда.

Английский в этом смысле особенно безстыден.
Он тащил лексику:

- из скандинавских языков,
- из французского,
- из латыни,
- из арабского,
- из индийских языков,
- из испанского,
- из африканских,
- из китайского,
- практически отовсюду, куда дотягивалась Британская

империя или американская поп-культура.

Причём делал это без малейших комплексов.

Некоторые языки заимствуют слова осторожно, словно спрашивая у академиков разрешения войти. Английский действует как человек, который увидел чужую красивую куртку и немедленно ушёл в ней домой.

И именно поэтому он оказался невероятно живучим.

В сущности, английский никогда не был языком порядка. Он был языком адаптации. Языком людей, которым постоянно приходилось:

- торговать,
- завоёвывать,
- договариваться,
- выживать,
- смешиваться,
- пересекать границы,
- объясняться с чужаками.

Из-за этого он приобрёл удивительное качество: английский почти не боится меняться.

Французская академия может годами спорить, как правильно защищать язык от иностранных влияний. Английский же обычно смотрит на новое слово, пожимает плечами и говорит:

«Ладно. Заходи.»

Потом это слово оказывается в Oxford English Dictionary.

А через десять лет — в рекламе банковских услуг.

Но самое интересное в истории английского даже не это.

Самое интересное — насколько случайным был его путь.

Когда германские племена англов, саксов и ютов приплыли в Британию в V—VI веках, никто не думал, что их язык однажды станет мировым. Это были вовсе не величественные архитекторы будущей цивилизации. Скорее шумные люди с мечами, плохими санитарными привычками и довольно суровым взглядом на дипломатию.

Их язык — древнеанглийский — современный носитель почти не поймёт. Не «с трудом поймёт». Не «угадает отдельные слова». А именно почти не поймёт.

Вот, например, начало знаменитого «Беовульфа»:

*Hwæt! We Gardena in geardagum
þeodcyninga þrym gefrunon*

Для современного человека это выглядит не как «ранний английский», а как последствия древнего проклятия.

И всё же именно из этого языкового тумана постепенно вырос английский, на котором:

- пишут голливудские сценарии,
- ругаются в Call of Duty,
- проводят переговоры о нефти,
- записывают TikTok,
- и отправляют пассивно-агрессивные письма коллегам.

Причём вырос он не благодаря стабильности, а благодаря непрерывным катастрофам.

Викинги пришли грабить Британию — и подарили английскому слово sky.

Норманны завоевали Англию — и превратили язык аристократии во французский.

Печатный станок внёс хаос в правописание.

Авторы проекта «Шейкспир» начали придумывать слова так, словно им платили за каждое новое.

Британская империя растащила английский по планете.

Америка превратила его в язык рекламы, кино и массовой культуры.

Интернет окончательно сорвал с него поводок.

И всякий раз находились люди, уверенные, что теперь язык окончательно испорчен.

Это вообще одна из самых забавных вещей в истории лингвистики: каждое поколение убеждено, что именно оно живёт в эпоху гибели языка.

В XVIII веке людей раздражали сокращения.

В XIX — американизмы.

В XX — джазовый сленг.

В XXI — интернет.

Человек, жалующийся на «ужасную современную речь»,
— древнейшая языковая традиция человечества.

Можно представить себе римлянина, устало закатывающего глаза:

«Молодёжь уже не говорит на нормальной латыни.»

Особенно комично это выглядит в отношении английского, потому что он никогда не был особенно послушным языком. Его невозможно окончательно «починить». Он слишком долго рос в:

— тавернах,

— портах,

— на рынках,

— в колониях,

— на сценах театров,

— в газетах,

— на улицах Нью-Йорка,

— в рэпе,

— в интернете

Даже знаменитая «правильная английская грамматика» во многом является сравнительно поздним изобретением. Причём придумали её люди, которые отчаянно пытались сделать английский более «приличным» и похожим на ла-

тынь. Иногда доходило до совершенно очаровательных ситуаций, когда живой язык объявлялся неправильным просто потому, что не соответствовал вкусам образованных господ XVIII века.

Именно тогда появились многие школьные мифы:

- что нельзя заканчивать предложение предлогом,
- что *split infinitive* — ужасное преступление,
- что *certain forms are «illogical»*.

Проблема лишь в том, что сам английский никогда об этих запретах особенно не переживал.

Он продолжал жить своей жизнью.

Вообще история английского — это постоянная борьба между двумя силами.

С одной стороны: люди, пытающиеся язык контролировать.

С другой: миллионы носителей, которым совершенно некогда читать инструкции.

И носители почти всегда побеждают.

Потому что язык принадлежит не словарям.

Он принадлежит тем, кто:

- влюбляется,
- врёт,
- торгуется,

- ругается,
- пишет песни,
- флиртует,
- шутит,
- спорит,
- делает мемы
- и иногда случайно меняет историю фонетики

В этой книге мы пройдем длинный путь — от кельтской Британии до TikTok, от бородатых скандинавов до Netflix, от монастырских рукописей до интернет-сленга. Но это будет не учебник «правильного английского».

Скорее история о том, как язык:

- выживал,
- мутировал,
- приспособливался,
- ошибался,
- крал,
- терял,
- изобретал себя заново.

И если после этой истории у читателя возникнет ощущение, что английский — не строгая академическая конструкция, а живое, хитрое, хаотичное существо с прекрасной памятью и ужасным характером, — значит, всё было не зря.

Потому что именно таким он и является.

Когда Британия ещё не говорила по-английски

Кельты, римляне и остров, который пока не знает, что станет языковой империей

Есть особая ирония в том, что английский язык — главный мировой экспорт Британии — появился там далеко не первым.

Когда современные люди слышат слова:

- Britain,
- London,
- English,
- Oxford,
- King,
- Shakespeare

...им кажется, будто английский был на острове всегда. Как туман, овцы и вечное недовольство погодой.

Но если бы мы каким-нибудь чудом перенеслись в Бри-

танию две тысячи лет назад и попытались заговорить по-английски, нас бы не поняли примерно так же, как если бы мы начали читать инструкцию к микроволновке диким пиктам.

Потому что Британия очень долго вообще не говорила по-английски.

И даже не подозревала, что однажды станет родиной языка, на котором человечество будет:

- смотреть Netflix,
- ругаться в комментариях,
- подписывать нефтяные контракты,
- и писать «Sent from my iPhone».

В те времена остров был совсем другим местом — более лесистым, более племенным, значительно менее цивилизованным и, что особенно важно, гораздо более кельтским.

Именно кельты были одними из первых крупных народов, чьи языки звучали на территории Британии. Не «ирландцы» в современном смысле, не шотландцы и не валлийцы как современные нации, а огромное и довольно разрозненное кельтское языковое семейство, растянувшееся когда-то по половине Европы.

Сегодня это трудно представить, но в те времена кельтские языки звучали:

- во Франции,

- в Испании,
- в Центральной Европе,
- на Британских островах,
- и даже частично на территории современной Турции.

Да, история языков вообще любит странные маршруты.

Однако именно Британия стала одним из последних крупных убежищ кельтской речи после того, как почти всю континентальную Европу постепенно латинизировали римляне.

Впрочем, и сама Британия долго от них не скрылась.

Но до прихода Рима остров жил своей жизнью. И жизнь эта, если верить античным авторам, была весьма живописной. Римляне описывали местных жителей примерно с той смесью ужаса и снобизма, с какой позднее британцы будут описывать чужие колонии.

Кельты казались римлянам:

- шумными,
- воинственными,
- плохо организованными,
- склонными красить себя,
- и чрезмерно увлечёнными друидизмом.

Особенно их поражала любовь островитян к боевому энтузиазму без достаточного уважения к дисциплине. Для римлянина это выглядело почти неприлично.

Но с языковой точки зрения Британия тогда была удивительно интересным местом. Люди говорили на разных кельтских диалектах, многие из которых исчезли без следа, оставив после себя лишь:

- названия рек,
- холмов,
- областей,
- и загадочные куски топонимики, над которыми потом веками будут ломать головы филологи.

Вообще названия рек — настоящие археологические окаменелости языка. Имя города можно сменить. Имя государства — тоже. Имя улицы — хоть десять раз за столетие. Но реки переживают всё:

- войны,
- империи,
- религии,
- королей,
- даже сами языки.

Именно поэтому в Британии до сих пор полно очень древних гидронимов.

Например, знаменитая река Avon.

Туристу кажется, что Avon — просто красивое британское

название. Но лингвист начинает тихо смеяться. Потому что avon происходит от кельтского слова afon (уверен, вы сразу подумали про Новый Афон), которое буквально означает:

«река».

Иными словами:

River Avon = «река Река»

Это не ошибка. Такое происходит постоянно в истории языков. Когда один народ приходит на чужую территорию и спрашивает:

— Как называется эта река?

Местные отвечают:

— Река.

Пришельцы радостно записывают:

— Отлично. Значит, называется Avon.

Человечество так делало удивительно много раз.

Есть даже знаменитая теория, что Sahara буквально означает «пустыня», а потому выражение:

Sahara Desert

...по сути является:

«пустыня Пустыня».

Язык вообще обожает подобные тавтологические шутки. И гора Фудзияма — тому молчаливый свидетель...

Но затем на остров пришёл Рим.

Точнее, сначала он пришёл не очень уверенно.

Юлий Цезарь в I веке до нашей эры предпринял несколько экспедиций в Британию, после чего вернулся домой с характерным для римских политиков стилем отчётности: всё было сложно, опасно, но в целом, конечно же, успешно.

Настоящее завоевание началось позже — при императоре Клавдии, в 43 году нашей эры. И вот тогда Британия впервые столкнулась с одной из величайших машин культурного поглощения в истории человечества.

Рим редко просто завоёвывал территории. Он их постепенно перепрошивал:

- дорогами,
- законами,
- банями,
- армией,
- бюрократией,
- торговлей
- и, конечно, латынью

Причём латинский язык в Британии существовал сразу в нескольких версиях.

Была:

- официальная латынь администрации,

- военная латынь легионов,
- разговорная народная латынь,
- а рядом продолжали жить кельтские языки.

Получалась весьма шумная языковая экосистема.

Можно представить британский рынок II века: римский чиновник ругается на латыни, местные торгуются на кельтских диалектах, где-то рядом солдаты из других провинций империи говорят на своих акцентах, а купец из Галлии пытается продать вино.

То есть Британия начала становиться многоязычной задолго до английского.

И вот здесь появляется одна из самых любопытных тем: Лондон.

С происхождением London всё довольно туманно — а филологи вообще обожают такие ситуации, потому что можно бесконечно спорить на конференциях. Скорее всего, корни названия уходят либо в кельтские формы, либо были переработаны римлянами в латинизированное Londinium.

Во всяком случае, именно римляне превратили маленькое поселение на Темзе в серьёзный город. Они построили:

- дороги,
- мост,
- стены,
- инфраструктуру,

— административный центр.

Иными словами, без римлян Лондон, возможно, остался бы довольно скромной точкой на карте. Вместо этого он постепенно стал ядром будущей языковой империи.

Хотя сами римляне об этом, разумеется, не подозревали.

Вообще история Британии полна таких прекрасных недо-разумений. Люди постоянно строили что-то ради одних целей, а получалось совершенно другое.

Римляне хотели северную провинцию.

Получили фундамент страны, которая позже будет править морями.

Кельты хотели просто жить на острове.

Оставили топонимические головоломки для будущих лингвистов.

А будущий английский язык в это время вообще ещё не существовал.

Точнее, где-то на территории современной Германии и Дании уже жили германские племена:

— англý,

— саксы,

— юты.

Они пока не знали, что через несколько столетий:

- переплывут море,
- устроят Британии грандиозный культурный переворот,
- вытеснят большую часть кельтских языков,
- и принесут речь, из которой вырастет английский.

Пока же Британия оставалась:

- кельтской,
- римской,
- многоязычной,
- и совершенно не англоязычной.

Но история языков любит пустоты власти.

Когда Римская империя начала слабеть, Британия постепенно оказалась предоставлена самой себе. Легионы уходили. Администрация рушилась. Торговые связи слабели. А за морем уже ждали люди, которые изменят остров навсегда.

И вот тогда начинается следующая глава английской истории: не о латыни, не о кельтах и не о Риме.

А о германцах, которые приплывут в Британию и принесут язык, от которого современный мир уже не сможет избавиться.

Когда Англия ещё не была Англией

Англы, саксы и языковая драка за Британию

Есть языки, которые возникают медленно и почти незаметно, словно туман над рекой. А есть языки, приходящие вместе с людьми, у которых:

- меч,
- топор,
- плохое настроение и весьма ограниченный интерес к дипломатии

Ранний английский относится скорее ко второй категории.

После ухода римлян Британия оказалась в положении, которое история обычно описывает аккуратной фразой: «период нестабильности».

На человеческий язык это переводится как:

- рушится администрация,
- исчезают налоги,

- дороги начинают приходить в ужасное состояние,
- местные правители грызутся между собой,
- а за морем уже появляются люди, которым всё это кажется прекрасной возможностью немного улучшить своё материальное положение.

Именно в этот момент в британскую историю входят германские племена:

- англы,
- саксы,
- юты.

Те самые люди, благодаря которым Англия позже получит своё название.

Потому что England буквально означает «земля англов».

То есть главный мировой язык XXI века назван в честь народа, о котором средний современный человек знает примерно столько же, сколько о технологии изготовления бронзовых пряжек VI века.

История вообще любит подобные шутки.

Мы плохо представляем себе этих людей, потому что школьные учебники обычно рисуют их либо:

- благородными предками нации,
- либо полудикими варварами.

Реальность, как всегда, была интереснее.

Это были германские племена Северной Европы — довольно жёсткие, воинственные, практичные и, судя по всему, не особенно склонные к философским дискуссиям. Они жили на территориях современной:

- Северной Германии,
- Дании,
- частично Нидерландов

И говорили на западногерманских диалектах, из которых позже вырастут:

- английский,
- немецкий,
- нидерландский,
- фризский.

Причём ранний английский был гораздо ближе к немецкому, чем к современному English.

Если показать древнеанглийский современному американцу, он скорее решит, что перед ним:

- странный диалект немецкого,
- языческое заклинание

— последствия удара клавиатурой по столу

Например:

fæder

mōdor

brōþor

Это:

— father,

— mother,

— brother

Уже видно семейное сходство.

Именно германские племена принесли в Британию тот базовый словарь, который до сих пор составляет фундамент английского языка. Причём что особенно интересно: самые древние слова почти всегда оказываются самыми бытовыми.

He:

— philosophy,

— civilization,

— constitutional monarchy.

A:

- house,
- bread,
- wife,
- child,
- water,
- night,
- hand,
- food

То есть язык начинается не с университетов.
Язык начинается с:

- еды,
- семьи,
- холода,
- сна,
- драки,
- дома,
- выживания

И многие из этих слов невероятно древние.
Например, слово wife старше:

- Британии как государства,
- Франции как государства,

— Германии как государства,
— большинства современных европейских столиц в их
нынешнем виде.

Old English:

wīf

Первоначально означало просто:

женицина

Причём без обязательного значения «жена». Позже смысл сузился.

Это вообще типичная история древних слов: сначала они означают что-то широкое и базовое, а потом постепенно «специализируются».

То же произошло со словом:

mann

Которое изначально означало скорее человека вообще, а не specifically «мужчину».

Отсюда остатки старой логики:

mankind

Позволю себе тут два слова в сторону. Поскольку это весьма похоже на еврейского Адама, который в первой главе Бытия должен переводиться как «человечество» («И создали боги — элохимы — человечество...»), а во второй некий еврейский господь-бог — Яхве-элохим — создал себе игрушку — Адама. Но не будем отвлекаться...

История языка постоянно напоминает археологию: копаешь одно слово — находишь следы давно исчезнувшего мировоззрения.

Вернёмся к англам и саксам.

Традиционная школьная версия выглядит примерно так: германские племена пришли, завоевали Британию и принесли английский.

В реальности всё было куда менее аккуратно.

Во-первых, никто тогда не говорил на «английском» в современном смысле. Были разные германские диалекты, которые:

- смешивались,
- конкурировали,
- постепенно выравнивались

Во-вторых, Британия не стала германской за одну ночь. Это были века:

- войн,
- переселений,
- ассимиляции,
- вытеснения кельтских языков,
- культурного хаоса

Причём кельтское население никуда полностью не исчезло — вопреки старым романтическим мифам о «тотальном замещении». Люди смешивались, торговали, воевали, женились друг на друге, перенимали слова и привычки.

Но языковая победа германцев оказалась почти полной.

Это один из самых удивительных моментов британской истории.

Кельты жили на острове веками.

Мифический Рим правил Британией почти четыреста лет.

А в итоге язык будущей мировой империи вырос именно из германской речи пришельцев.

Причём сам ранний английский был языком очень конкретным, тяжёлым и физическим. Он плохо подходил для утончённой философии, зато прекрасно описывал:

- море,
- войну,
- тело,
- труд,
- погоду,

- смерть,
- оружие

И это чувствуется до сих пор.

Самые короткие и сильные английские слова обычно германского происхождения:

- blood,
- bone,
- fire,
- earth,
- death,
- storm,
- rain,
- sword,
- bread

Позже английский массово заимствует:

- латинские слова,
- французские,
- греческие

Но эмоциональное ядро языка останется германским.
Когда англоговорящий человек:

- злится,
- ругается,
- признаётся в любви,
- кричит от боли

...он чаще использует именно древние германские слова.
Именно поэтому:

«I love you»

...звучит сильнее, чем:

«I experience profound romantic affection toward you»

Глубокие эмоции язык почти всегда хранит в самых старых слоях.

Любопытно и другое: ранний английский имел гораздо более сложную грамматику, чем современный.

Да, тот самый язык, который сегодня знаменит относительно простой структурой, когда-то был вполне «нормальным» индоевропейским языком с:

- падежами,
- грамматическим родом,
- сложными окончаниями,
- гибкой структурой предложения

То есть древнеанглийский был намного ближе к:

- немецкому,
- исландскому,
- древнескандинавскому

Современный английский станет «упрощённым» позже

— после долгих контактов с:

- викингами,
- норманнами,
- иностранными торговцами

Но пока язык англов и саксов был суровым и грамматически тяжёлым.

Например, слово stone выглядело так: stān

А «камни»: stānas.

Слово king: cyning.

Woman: wīfmann.

Да, буквально: «woman-person».

Причём многие современные странности английского — это остатки тех древних времён.

Например:

- foot → feet

— tooth → teeth

— goose → geese

Это не «исключения». Это окаменелости старой грамматики.

Язык словно забыл собственные правила наполовину, но отдельные куски продолжили жить.

Вообще история английского — это история огромного количества недоделанных изменений. Он постоянно что-то:

— упрощал,

— терял,

— ломал,

— перестраивал,

...но редко доводил реформы до полного порядка.

Отсюда его очаровательная хаотичность.

Ещё интереснее то, как мало кельтских слов осталось в базовом английском словаре. Для страны с кельтским прошлым это почти шокирует.

Есть:

— London,

— Dover,

— Thames,

— Avon,

— Kent,

— некоторые географические названия

Но по сравнению с масштабом кельтского присутствия след этот surprisingly small.

Лингвисты до сих пор спорят, почему так произошло. Возможно:

— германская элита доминировала культурно,

— кельтские языки были вытеснены особенно жёстко,

— или ранний английский просто плохо впитывал местную лексику

Хотя полностью кельтское влияние всё же не исчезло. Некоторые исследователи считают, что именно кельтские языки могли повлиять на необычную любовь английского к:

— continuous forms,

— конструкции do,

— certain rhythmic patterns

То есть даже когда слова исчезают, языковые привычки иногда продолжают жить как призраки.

К VII—VIII векам на острове уже существовало несколько англосаксонских королевств:

- Wessex,
- Mercia,
- Northumbria,
- East Anglia

Последнее название особенно прекрасно.

East Anglia буквально означает «восточная земля англов».

То есть англы настолько основательно прописались в Британии, что начали размечать карту собственным названием.

Именно в эту эпоху начинает рождаться то, что мы называем Old English.

Язык:

- ещё грубый,
- ещё очень германский,
- ещё далёкий от Шейкспира,
- но уже безошибочно английский в стадии эмбриона

Язык, который переживёт:

- викингов,
- французских завоевателей,
- чуму,
- колониальную экспансию,
- Голливуд,

— Twitter² и корпоративные Zoom-созвоны

Хотя пока об этом никто не подозревает.

Пока это просто речь людей, живущих на сыром острове на краю Европы.

И именно поэтому история английского так интересна.

Потому что величайший мировой язык начинался вовсе не как язык цивилизации.

А как язык переселенцев, фермеров, воинов и людей, которые очень любили короткие слова и крепкий эль.

² сайт, запрещённый на территории РФ

Английский, который англичанин не поймёт

Староанглийский, Beowulf и язык, похожий на германское колдовство

У современного человека есть довольно наивное представление о прошлом языков. Нам кажется, что старые версии речи — это примерно современный язык, только:

- чуть более пафосный,
- немного архаичный,
- с funny old words вроде thou и hath

То есть люди ожидают чего-то в духе:

«Good morrow, fair gentleman»

А потом впервые сталкиваются с настоящим староанглийским.

И внезапно понимают, что это выглядит не как «старый английский», а как попытка вызвать древнего морского демона.

Например, вот начало «Беовульфа» — главного памятника староанглийской литературы:

*Hwæt! We Gardena in geardagum
þeodcyninga þrym gefrunon*

Средний современный британец понимает здесь примерно:

- nothing,
- absolutely nothing,
- maybe emotional Viking energy

И это нормально.

Потому что Old English — это не «английский Шейкспира». Это язык совершенно другого мира. Настолько другого, что между ним и современным English лежит почти полторы тысячи лет:

- вторжений,
- фонетических катастроф,
- языковых реформ,
- социальных переворотов,
- и коллективного нежелания людей произносить слова полностью.

Вообще староанглийский был куда ближе к:

- древнескандинавскому,
- старосаксонскому,
- древневерхненемецкому,
- ...нежели к языку BBC или Netflix

И это чувствуется буквально во всём.

Прежде всего — в звучании.

Современный английский довольно текучий, местами ленивый, с огромным количеством редуций. Он любит проглатывать:

- согласные,
- окончания,
- половину слова,
- иногда всю человеческую волю к жизни

Староанглийский, напротив, был языком тяжёлым и рубленым. Его будто вырубали топором из дерева.

Там звучали:

- жёсткие согласные,
- чёткие окончания,
- твёрдые гласные,
- резкий ритм

Многие слова произносились почти так, как писались. Что сегодня для английского выглядит почти неприличной роскошью.

Например:

hūs

stān

cyning

cniht

Это:

— house,

— stone,

— king,

— knight

Да, тот самый knight, который сегодня пишется так, будто пережил пожар в типографии.

А когда-то всё было честно:

/knixt/

С полноценным:

- k,
- gh,
- и суровым германским характером

Потом английский постепенно решил, что произносить половину этих звуков слишком утомительно.

Вообще история английского — это история колоссальной фонетической лени, растянутой на века.

Но староанглийский ещё сопротивлялся.

Более того — у него была полноценная грамматика, которая привела бы современного школьника в состояние тихого отчаяния.

Существовали:

- падежи,
- грамматический род,
- склонения,
- сложные окончания,
- разные формы прилагательных,
- спряжения,
- и весьма свободный порядок слов

То есть Old English выглядел как «нормальный» древний индоевропейский язык.

Современный английский станет сравнительно простым гораздо позже — после контактов:

- с викингами,
- норманнами,
- торговцами,
- и огромным количеством людей, которым было лень учить сложные окончания.

Но пока язык англосаксов ещё держал строй.
Например, слово:

Stān («камень»)

...имело формы:

- stān
- stānes
- stāne
- stānas

В ЗАВИСИМОСТИ ОТ:

- числа,
- падежа,
- синтаксической роли

И всё это современный английский позже почти полно-

стью выбросит за борт.

Иногда кажется, что язык просто устал.

Особенно интересно, как староанглийский отражал мышление своей эпохи. Многие слова были не абстрактными, а удивительно физическими и образными.

Например, знаменитое:

lord

Сегодня это:

- лорд,
- аристократ,
- nobleman,
- something expensive and British

Но происхождение слова гораздо прозаичнее и прекраснее одновременно.

Old English:

hlāfweard

...буквально: «хранитель хлеба».

Потому что hlāf — это loaf, хлеб.

A weard — guardian, keeper.

То есть lord изначально — человек, который:

- кормит,
- распределяет пищу,
- защищает общину,
- контролирует ресурсы

Феодализм в зародыше выглядит удивительно бытово.

Причём слово lady устроено не менее прекрасно.

Old English:

hlāfdige

...предположительно означало: «та, кто замешивает хлеб».

То есть:

- lord охраняет хлеб,
- lady готовит хлеб

И вот перед нами уже не абстрактная аристократия, а вполне конкретная хозяйственная система раннего Средневековья.

Язык постоянно хранит подобные следы прошлого.

Иногда одно слово рассказывает о цивилизации больше, чем учебник истории.

Вообще староанглийская лексика удивительно телесна. В ней мало абстрактной философии и много:

- земли,
- моря,
- крови,
- железа,
- погоды,
- судьбы,
- дома,
- смерти

Именно поэтому Old English poetry звучит так тяжело и атмосферно.

«Беовульф» вообще построен не на изяществе, а на ритмической силе. Это литература мира, где люди:

- плывут через ледяное море,
- сражаются с чудовищами,
- боятся зимы,
- и знают, что смерть почти всегда рядом.

Там мало средиземноморской лёгкости. Зато много тумана и фатализма.

Особенно это чувствуется в староанглийских poetic compounds — своеобразных поэтических «составных мета-

форах».

Например:

Banhus («костяной дом»)

...означает: тело.

А:

Hronrad («дорога китов»)

это «море».

Или:

Beadoleoma («боевой свет»)

— меч

То есть поэзия буквально собирала мир из тяжёлых германских образов.

Современный fantasy-жанр во многом питается именно этой эстетикой:

— Tolkien,

— северный эпос,

— grim medieval atmosphere — всё это уходит корнями туда.

Не случайно Толкиен был профессором древнеанглийского. Он не просто изучал этот язык. Он буквально жил внутри его ритма.

Кстати, именно из Old English пришло огромное количество самых базовых английских слов:

- father
- mother
- house
- bread
- drink
- sleep
- wife
- child
- earth
- heaven
- strong
- winter
- night

Иначе говоря, эмоциональное ядро английского остаётся англосаксонским даже сегодня.

Позже язык обрastёт:

- французской изысканностью,

- латинской абстрактностью,
- греческой научной лексикой

Но когда человек:

- любит,
 - злится,
 - кричит,
 - боится,
 - молится,
- ...он часто использует именно древние германские слова.

И это одна из причин, почему английский умеет быть одновременно:

- простым,
- грубым,
- очень эмоциональным и surprisingly poetic

Ещё одна особенность староанглийского — странные буквы, напоминающие рунический набор после тяжёлого вечера.

Например:

þ
ð

æ

Это:

— thorn,

— eth,

— ash

Буква:

þ

обозначала звук th.

То есть:

þing

читалось примерно как:

thing

Позже печатники и писцы постепенно вытеснят эти символы латинскими сочетаниями.

Но следы останутся.

Знаменитое псевдо-старинное:

«Ye Olde Shoppe»

...результат исторического недоразумения.

Буква «Y» там появилась потому, что printers later replaced thorn with y-like symbol.

На самом деле:

Ye

изначально было:

þe

то есть:

the

Иными словами:

«Ye Olde Tavern»

...никогда не произносилось как:

«Йи Олд Таверн»

Но человечество очень любит неправильно реконструиро-

вать прошлое.

К XI веку староанглийский уже существовал как полноценный язык литературы, хроник, религии и власти. И казалось, что именно он будет дальше спокойно развиваться.

А потом в 1066 году Британия снова пережила то, что английская история делает особенно регулярно: иностранное завоевание.

И вот здесь начинается один из самых драматичных языковых переворотов Европы.

Потому что после норманнов английский язык:

- потеряет статус,
- утратит огромное количество старых форм,
- впитает французскую лексику,
- радикально изменится и постепенно превратится во что-то совершенно новое

Но староанглийский не исчезнет полностью.

Он останется:

- в фундаменте словаря,
- в коротких бытовых словах,
- в эмоциональной силе языка,
- в его любви к конкретности,
- в ритме,
- в интонации,

— и в том странном ощущении северной суровости, которое до сих пор иногда слышится в хорошем английском.

Даже если современный британец уже не понимает язык «Беовульфа».

Викинги приплыли за золотом — и случайно переписали английский

Как скандинавы с топорами подарили Британии *they, sky и ugly*

Есть исторические события, которые в школьных учебниках выглядят удивительно аккуратно. Стрелочки на карте, даты, серьёзные мужчины в шлемах — всё очень организовано и цивилизовано.

Реальность обычно была гораздо менее академической. Особенно когда речь идёт о викингах.

Традиционный образ скандинава IX века — это человек:

- огромный,
- бородатый,
- слегка пахнувший морем,
- с топором,
- и с весьма гибким пониманием чужой собственности.

И, надо признать, образ этот возник не на пустом месте.

Когда первые скандинавские набеги обрушились на Британию, англосаксонский мир испытал примерно то чувство,

которое испытывает современный офисный сотрудник, внезапно увидевший медведя в переговорной.

Потому что викинги появились быстро, шумно и крайне невежливо.

В 793 году они разграбили монастырь Линдисфарн — событие, которое англосаксонские хронисты описывали почти как апокалипсис. Для христианской Европы нападение на монастырь выглядело не просто военной акцией, а чем-то глубоко неправильным на космическом уровне.

Монахи писали об:

- огненных знамениях,
- драконах в небе,
- предвестиях гибели,
- божественном гневе

На человеческий язык это переводится как:

«К нам приплыли очень опасные северяне»

И приплыли они надолго.

Но вот что особенно интересно: викинги изменили английский язык не потому, что были культурно «выше» англосаксов. Скорее наоборот. У них не было:

- великих университетов,

- утончённой латинской литературы,
- римской бюрократии

Они просто:

- активно переселялись,
- торговали,
- воевали,
- женились,
- основывали поселения
- и постепенно смешивались с местным населением

А языки обожают подобные ситуации.

Вообще самые мощные изменения языка редко происходят в библиотеках. Обычно они происходят:

- на рынках,
- в портах,
- в армии,
- в спальнях,
- в тавернах,
- и в ситуациях, где людям очень нужно быстро понять друг друга.

Именно это случилось между Old English и Old Norse — древнескандинавским языком викингов.

Причём самое прекрасное здесь то, насколько эти языки были одновременно:

— похожи

и

— непохожи

Это как встретить очень дальнего родственника: вы вроде понимаете отдельные слова, но ощущение всё равно странное.

Например:

Old English: hūs

Old Norse: hús

Old English: cyning

Old Norse: konungr

Old English: fæder

Old Norse: faðir

То есть люди могли кое-как объясняться. И именно поэтому языковое смешение пошло особенно активно.

Когда языки совсем чужие, они чаще сосуществуют параллельно. Но когда они достаточно близки — начинается хаос:

— упрощения,

- взаимные заимствования,
- выравнивание грамматики,
- замена неудобных форм

И английский после контакта с викингами действительно начал становиться проще.

Есть даже теория, что именно постоянное взаимодействие англосаксов и скандинавов ускорило разрушение старой сложной грамматики.

Потому что когда два близкородственных народа регулярно общаются, они инстинктивно начинают:

- сокращать окончания,
- упрощать формы,
- выбирать более понятные конструкции

То есть английский частично упростился потому, что людям было лень склонять слова во время торговых переговоров и грабежей. Что вообще-то звучит весьма глупо, если вспомнить русский язык. Конечно, возможно, русы ни с кем не торговали и потому у нас и формы, и окончания благополучно выжили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.